СЕДЬМАЯ ГИМНАЗІЯ
3484

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. АПРѢЛЬ. 1898 годъ.

4–6

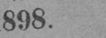
СОДЕРЖАНІЕ:

I. Отношенія императора Павла I къ Академіи наукъ. Акад. К. С. Веселовскій. 5–18
II. Первая встрѣча императора Александра II съ императрицей Маріей Александровной. Сообщ. В. И. Маркеловъ....... 19–22
III. Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскимъ. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ ... 23–46
IV. На зарѣ крестьянской свободы. R.......... 49–71
V. Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко. Б. Модзалевскій........ 73–88
VI. Чужое имя. В. А Шомпулевъ. 91–95
VII. П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ. В. Шенрокъ. (Оконч.)...... 97–110
VIII. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Берсъ. 111–132
IX. Поправки и дополненія къ статьѣ «Профессоры братья Бруны». Ал. Маркевичъ.......... 133–136
X. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.... 137–148
XI. Приключенія русскихъ колоколовъ, отправленныхъ въ Сербію въ 1863 г. Сообщ. Марченко.... 149–153
XII. Къ исторіи царствованія императора Павла I. Сообщ. А. В. Безродный... 155–160
XIII. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тимощукъ. 161–200
XIV. Два слова П. И. Бартеневу. В. Бильбасовъ.... 201–203
XV. Письма разныхъ лицъ къ А. Г. Тройницкому. Сообщ. Г. А. Тройницкій. 205–215
XVI. Празднованіе XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ........... 217–223
XVII. Записная книжка „Русской Старины“: Посланіе Н. И. Греча къ реформат. рус. орѳографіи 1862 г. Сообщ. М. И. Михельсонъ. (стр. 47). — Девятьсотъ лѣтъ назадъ. (Сказка). Ал. Ив. С—въ (72).— Четырехъмѣсячный Казанскій губернаторъ. А. З. Мышлаевскій (89).— Два письма Екатерины II князю М. Н. Волконскому. Сообщ. П. М. Майковъ (96). — Рѣчь Измайлова рекрутамъ Сообщ. И. А. Боровковъ (154).—Мѣра, предложенная императоромъ Александромъ I, чтобы окончить скорѣе войну съ Турціею въ 1812 г. Сообщ. Ѳ. П. Кеппенъ (204).— О закрытіи по случаю жаровъ присутствен. мѣстъ въ Елисаветполѣ (216).— Письмо императора Александра I — бар. Беннигсену 30 окт. 1806 г. (224).
XVIII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъют. Л. В. Евдокимова.. 289–304
XIX. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Солдатъ л.-гв. Преображенск. полка. Грав. И. И. Хелмицкій.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

7634

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.
1898.

[redacted]

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1898 г.



Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XIV [1]).

Татьяна Борисовна Потемкина.—Ея характеристика, религіозность и отношенія къ царскому семейству.—Любовь и уваженіе къ ней императоровъ Николая I и Александра II.—Благотворительность Т. Б. Потемкиной. — Отрывокъ изъ ея воспоминаній.

Въ предыдущихъ главахъ моихъ воспоминаній я имѣла уже случай говорить о своей двоюродной бабушкѣ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, рожденной княжнѣ Голицыной. Отецъ ея, князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, мой прадѣдъ, былъ женатъ на княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Грузинской.

Жаль, что перо мое безсильно описать, какъ-бы хотѣлось, эту дивную, рѣдкую душу, которая была въ мірѣ исключительно для добра! Я боюсь, что все сказанное мною о Татьянѣ Борисовнѣ будетъ слишкомъ слабо! Но какъ художникъ, рисующій святое лицо, не можетъ не вознестись душой въ лучшій міръ, такъ и я, вспоминая о ней, прошу Бога наставить меня на вѣрное описаніе той, которая безъ устали служила Ему въ продолженіе всей своей жизни и такъ вѣрно понимала значеніе человѣка въ мірѣ! Обладая въ жизни всѣмъ: красотой, богатствомъ и высокимъ положеніемъ, Татьяна Борисовна не брала отъ жизни ничего для себя, а жила исключительно для другихъ, отдавала все, что могла, не привязываясь ни къ какимъ благамъ жизни... Какъ путникъ, спѣшащій домой, не рветъ по дорогѣ цвѣтовъ, не заглядывается на нихъ, такъ и она,

[1]) См. „Русск. Стар." 1898 г., мартъ.

живя съ той мыслью, что домъ ея не на землѣ, не заглядывалась ни на что земное!..

Вся ея жизнь несомнѣнно состояла изъ ряда чистыхъ чувствъ и возвышенныхъ порывовъ души. Она не любила, чтобы ее хвалили, и когда при ней говорили объ ея добрыхъ дѣлахъ, я замѣчала тогда неудовольствіе на ея кроткомъ лицѣ. Она носила въ сердцѣ слова Спасителя и ей больно было, что по своему положенію не могла благотворить тайно. Когда ее превозносили, она какъ-бы слышала слова Спасителя: «Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою», и омрачалось лицо ея, слыша земныя похвалы...

Изъ дѣтства бабушки Татьяны Борисовны я ничего не знаю, за исключеніемъ одной фразы, сказанной кѣмъ-то при взлядѣ на нее «Dieu a sourit, quand Il a creé cet enfant!» [1]) Изъ ея ранней молодости я знаю случай, разсказанный мнѣ ею, который утвердилъ ее въ православіи. Воспитанные іезуитами, ея братья и сестры были склонны въ молодости къ католицизму, но душа Татьяны Борисовны не находила въ немъ пристанища и искала правды и истины.

Пробывъ долго въ Швейцаріи, она много слышала проповѣдниковъ, съ которыми познакомилась, много говорила съ ними и окончательно предалась протестантизму; но и тамъ ея горячая, пылкая душа не могла найти теплоты и отрады. Ее мучило то, что она считала себя отступницей отъ вѣры, въ которой родилась, а еще болѣе то, что она огорчала этимъ свою мать, которая была истинно православная. Она молилась и просила Бога, чтобы Онъ открылъ ей истину и наставилъ ее. Господь услышалъ ея чистую молитву. Вернувшись въ Россію, во Владимірскую губернію, село Симы, Т. Б. Потемкина заболѣла тифомъ и во время болѣзни видѣла сонъ: лежитъ она больная, около ея кровати стоитъ преподобный Сергій, а немного поодаль Божія Матерь, но отвернувшись отъ нея. Больная захотѣла заглянуть ей въ лицо, но по мѣрѣ того, какъ она всматривалась, Божія Матерь поворачивала къ ней грустное лицо Свое... Тогда преподобный Сергій сказалъ: «Что ты дѣлаешь? Владычица тебя возлюбила, а ты не почитаешь Ее; встань, пойди, бросься къ Ней въ ноги, Она исцѣлитъ твое больное тѣло и душу!» Татьяна Борисовна встала, бросилась въ ноги Божьей Матери и проснулась... Проснувшись, она горько плакала и, разсказавъ свой сонъ матери, просила послать скорѣе во Владиміръ за чудотворной иконой Божьей Матери, которая и принесла ей миръ душевный.

Съ этого дня она нашла правду и подтвердились слова Спасителя: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся».

Замужъ Татьяна Борисовна вышла очень молодой, за Александра

---

[1]) „Богъ улыбнулся, сотворивъ этого ребенка“.

Михайловича Потемкина, человѣка очень богатаго, скромнаго, не имѣющаго блестящаго положенія въ свѣтѣ. Мать его была рожденная Энгельгардтъ, родная племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, которая вторично вышла замужъ за князя Юсупова. Татьяна Борисовна мнѣ сама разсказывала, что первые годы ея замужества ей было трудно и горько, что къ такому близкому человѣку, какъ мужъ, съ которымъ должна была дѣлить радости и горести,—кромѣ равнодушія ничего не чувствовала. Она просила Бога, чтобы Онъ вселилъ ей любовь къ мужу, и слова Спасителя: «Просите и дастся вамъ» вновь оправдались на ней. Молодая красавица такъ горячо полюбила своего, хотя и достойнаго, но съ тяжелымъ характеромъ мужа, что, проживъ 53 года вмѣстѣ мирно, благочестиво, они были такъ нѣжны другъ къ другу, что въ рѣдкихъ молодыхъ супругахъ свѣтится такая любовь, какая свѣтилась въ ихъ потухавшихъ глазахъ...

Бабушка и ея сестры были съ дѣтства приняты интимно при дворѣ государыни Маріи Ѳеодоровны, такъ что онѣ съ великими княжнами и великими князьями были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Сестры ея, какъ старшія, были пожалованы во фрейлины, а она, вышедши замужъ очень молодой, не получила этого почетнаго званія и къ тому же, вышедши замужъ за человѣка, неимѣющаго чина, допускающаго пріѣздъ ко двору, не имѣла права на посѣщенія царской фамиліи, но видя ихъ любовь къ ней, продолжала посѣщать интимно, избавляя себя отъ всѣхъ выходовъ и парадовъ. Это было ея исключительное положеніе въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II. Она пользовалась такимъ расположеніемъ и любовью нашихъ царицъ, что въ какой бы часъ ни вздумала войти во дворецъ, ей всѣ двери отворялись безъ доклада.

Въ концѣ 40-хъ годовъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ былъ выбранъ въ петербургскіе губернскіе предводители дворянства, но жену его земные почести не занимали и она продолжала жить въ большомъ свѣтѣ не съ цѣлью показать себя, свои туалеты или хлопотать о повышеніи кого-либо изъ родственниковъ, а все съ той же цѣлью: просить за несчастныхъ, навѣщать больныхъ, кого утѣшать, кого наставить и обратить на путь истинный. Она часто ѣздила съ евангеліемъ во дворецъ, читала и разсуждала тамъ о божественномъ словѣ. Императоръ Николай I очень любилъ бабушку, называлъ ее: «моя игуменья», и никогда не отказывалъ въ ея просьбахъ. Татьяна Борисовна разсказывала мнѣ, что ѣхала къ государю съ такой покойной душой, съ такой увѣренностью, что въ его благородной душѣ и ясномъ пониманіи дѣлъ всегда найдетъ отголосокъ и просьба ея не останется безъ исполненія. Она очень любила императора и съ такимъ восторгомъ говорила мнѣ объ его благородствѣ и свѣтломъ умѣ, но грустила о томъ, что многіе его

не понимали и судили совершенно ошибочно. Твердость его характера не мѣшала ему имѣть замѣчательно доброе и нѣжное сердце. Мнѣ разсказывали, что въ день присяги одного изъ великихъ князей, кажется, Николая Николаевича, бабушка поѣхала на хоры съ великой княгиней Маріей Николаевной, которая была въ траурѣ и не могла участвовать въ празднествѣ. Императоръ Николай Павловичъ, увидя Татьяну Борисовну на хорахъ, послалъ спросить, почему она не внизу, гдѣ должно быть ея мѣсто.

— Когда я была молода, — отвѣчала она посланному, — я не имѣла права быть въ свитѣ государыни, а теперь въ мои годы поздно начинать придворную жизнь; благосклонность же царя и царицы ко мнѣ такъ велика, что позволяетъ мнѣ быть между ними безъ этикета, и больше этого мнѣ ничего не нужно! Прошу только позволенія у государя продолжать пользоваться своимъ положеніемъ въ его августѣйшей семьѣ.

Хотя государь Александръ Николаевичъ такъ же очень любилъ и уважалъ бабушку и выслушивалъ всѣ ея просьбы съ той же готовностью исполнить ихъ, какъ бывало и августѣйшій его отецъ, но она ѣхала во дворецъ далеко не съ той увѣренностью, какъ прежде. Императоръ Николай, выслушавъ ее и разсмотрѣвъ самолично дѣло, о которомъ она просила, своимъ золотымъ сердцемъ и умомъ рѣшалъ самъ и всегда въ пользу просящей, которая шла къ своему государю отъ имени Христа не для себя, не для счастливыхъ, а для несчастныхъ... Императоръ Александръ II, съ тѣмъ же золотымъ сердцемъ, былъ готовъ осчастливить какъ просительницу, такъ и несчастныхъ, за кого она просила, но самъ лично рѣдко рѣшалъ просьбу, и Татьяна Борисовна возвращалась изъ дворца часто съ одной только надеждой, что сердце государя перевѣситъ въ ея пользу противоположные доводы.

Незадолго до своей кончины она хлопотала о какихъ-то семьяхъ самоѣдовъ и по этому поводу писала одному изъ министровъ. Въ чемъ состояла ея просьба — я не знаю, но знаю только, что она получила отвѣтъ довольно грубый, въ которомъ была такъ же просьба не безпокоить министровъ такими просьбами, которыхъ нельзя принять.

«Ваше превосходительство, отвѣчала она, я убѣждена въ справедливости вашего требованія и принимаю со смиреніемъ ваше замѣчаніе, но обѣщать вамъ не хлопотать о тѣхъ несчастныхъ, которые сами не могутъ имѣть доступа къ царю или министрамъ—я не могу! И если изъ десяти просьбъ моихъ одна будетъ справедлива и примется вами, то для меня это великая награда за хлопоты о несчастныхъ, нуждающихся въ правосудіи».

Прошло 19 лѣтъ со дня смерти бабушки, и сколько уголковъ въ Россіи, гдѣ имя ея и теперь вспоминается съ любовію и благодарностью!

На-дняхъ одна моя знакомая получила письмо изъ Сибири отъ неизвѣстной ей старушки, которая пишетъ, что много обязана Татьянѣ Борисовнѣ своимъ счастьемъ и память о ней продолжаетъ жить въ ея старомъ сердцѣ.

«Но, прибавляетъ старушка, не долго остается мнѣ жить, поэтому, имѣя портретъ Татьяны Борисовны, который не покидаетъ меня, я желала бы передать его при жизни такой особѣ, которая такъ же любила бы мою благодѣтельницу, какъ я, и для которой портретъ Татьяны Борисовны былъ бы такъ же дорогъ, какъ мнѣ!»

При этомъ старушка разсказала, какъ Татьяна Борисовна выручила изъ бѣды ея мужа. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ семейство свое въ Сибири, хлопотать о мѣстѣ. Прожилъ онъ въ столицѣ нѣсколько мѣсяцевъ и получилъ только одни обѣщанія. Истративъ все до копѣйки и даже задолжавъ, такъ что вернуться ему было не съ чѣмъ, пошелъ онъ въ Казанскій соборъ помолиться и, ставъ на колѣни передъ Владычицей и открывъ Ей свое наболѣвшее сердце, горько плакалъ...

Татьяна Борисовна, часто бывая въ Казанскомъ соборѣ, вошла также помолиться. Увидя горько-плачущаго и никогда не проходя мимо горя, не замѣтивъ его, она спросила:

— Скажите мнѣ, о чемъ вы плачете? Я хотя и маленькій человѣкъ, но можетъ быть могу вамъ быть полезной.

Онъ разсказалъ свое горе. Она пригласила его къ себѣ и черезъ нѣсколько дней онъ получилъ все желаемое и возможность доѣхать до Сибири. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ увозилъ ея кроткій, милый образъ и, пріѣхавъ домой, научилъ семью свою горячо любить ту, которая вернула имъ счастье и покой. Портретъ этотъ завѣщается теперь мнѣ.

Много воздвигла и украсила она храмовъ въ свою жизнь. Ея заботами на средства ея мужа былъ возобновленъ въ Харьковской губерніи монастырь «Святыя Горы», куда до сихъ поръ стекается многочисленная толпа богомольцевъ и любителей природы. Тамъ Татьяна Борисовна принимала государя Александра Николаевича съ государыней Маріей Александровной и ихъ дѣтей; тамъ она отдыхала каждое лѣто отъ шума столичной жизни. Бабушка любила тихую деревенскую жизнь рядомъ съ монастыремъ, гдѣ часто и съ умиленіемъ слушала монастырскій звонъ колоколовъ, призывавшій къ молитвѣ...

Домъ Татьяны Борисовны былъ открытъ для всѣхъ: начиная съ государя, удостоивавшаго ее своимъ посѣщеніемъ, кончая послѣднимъ нищимъ,—всѣ переступали ея порогъ. Ни одинъ архіерей не бывалъ въ Петербургѣ, чтобы не посѣтить ея. Будучи попечительницею тюремъ, бабушка знала почти каждаго преступника, говорила съ нимъ, стараясь обратить его на путь истины. И какъ любили ее эти порочные люди! Они цѣловали ей руки, платье, готовы были цѣловать и ноги... Я никогда

не забуду первую обѣдню, которую прослушала я съ ней вмѣстѣ въ тюремной церкви. Хоръ состоялъ изъ дѣтей преступниковъ; это обстоятельство сильно растрогало мое, тогда молодое сердце, но когда послѣ обѣдни я увидѣла толпу этихъ несчастныхъ, страшныхъ на видъ преступниковъ и преступницъ, бросившихся къ ней съ такой любовью цѣловать руки, платье, чуть не слѣды той, которая приходила ихъ утѣшать и учить,—я готова была сама броситься передъ ней на колѣни и благодарить ее за тотъ лучъ любви, который она съумѣла пролить въ ихъ ожесточенныя сердца!!.. Тѣ изъ нихъ, которымъ оковы и рѣшетки мѣшали подойти къ ней, все-таки заволновались, желая приблизиться къ ней и проводить ее благодарными взорами!..

Она, какъ мудрая дѣва, не гасила своего свѣтильника въ ожиданіи Жениха... Она со страхомъ ждала полночи и боялась не быть готовой, когда раздатся крикъ: «Женихъ идетъ!..» Какъ истинная христіанка, она не зарывала талантовъ, данныхъ ей Господомъ. Не будетъ ли она съ тѣми, которымъ скажетъ Господь: «Пріидите благословенные Отца Моего! наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра! Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ (Еванг. Матв., глава 25).

Въ дополненіе къ характеристикѣ бабушки и ея религіознаго настроенія, привожу отрывокъ изъ ея воспоминаній, найденный послѣ ея смерти [1]).

...«Я ужаснулась и испугалась своему невѣрію. Страшно стало, что я такъ долго могла сомнѣваться. На этотъ разъ я приняла образъ съ горячей вѣрой, которая была мнѣ такъ необходима. Сердце мое раскрылось для новаго чувства, тьма невѣрія замѣнилась въ немъ свѣтомъ— я наконецъ увѣровала! Вскорѣ мнѣ представился случай еще больше убѣдиться въ чудотворной силѣ образа и испытать мою вѣру въ него. Моя горничная, беременная уже шесть мѣсяцевъ, почувствовала себя нездоровой вслѣдствіе чрезмѣрнаго усердія при уборкѣ моихъ комнатъ въ Гостилицахъ; не щадя себя, она двигала мебель и прибивала мои портретики. Мысль, что ея усердіе ускорило ея роды, меня ужасно мучала. Я прибѣгла къ моему образу и положила его на больную. Но боли ея увеличивались съ страшной быстротой, и я приходила въ отчаяніе, что не могла принести никакой пользы бѣдной страдалицѣ. Но не успѣла я выйти отъ нея и дойти до своей комнаты, какъ услышала, что кто-то зоветъ меня:

— Идите скорѣй, больной Богъ далъ живаго ребенка...

---

[1]) Отрывокъ написанъ по-французски; здѣсь же помѣщается переводъ.

«Это было положительное чудо! Я прибѣжала, и, къ моей великой радости, ребенокъ жилъ достаточно долго, чтобы можно было его окрестить, а я была его воспріемницей. Вотъ первое чудо, ниспосланное Господомъ, для уничтоженія моего невѣрія. Это было передъ отъѣздомъ моимъ въ Крымъ. Я уѣхала осенью, а образъ мой былъ на мнѣ. Не знаю, было ли то отъ случайнаго удара или отъ чего другаго, но, пріѣхавъ въ Крымъ, я замѣтила на груди у себя гланду и думала, что образъ, котораго я не снимала во время дороги, причинилъ мнѣ эту боль. Я сняла его и поставила въ образницу. Черезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ нашемъ въ Крымъ, я услышала разсказы объ одномъ силачѣ-плотникѣ, который мостилъ полы и кончалъ работу въ нашемъ домѣ; нѣкоторыя подробности о жизни этого человѣка навели на меня ужасъ; онъ увѣрялъ всѣхъ, что имѣетъ сношенія съ нечистой силой. Отъ этихъ разсказовъ страхъ часто охватывалъ мою душу, и мысли, одна одной чернѣй, невольно приходили мнѣ въ голову. Мы жили совершенно одни на берегу моря, въ октябрѣ мѣсяцѣ: ни церкви, ни общества, ни развлеченій! Одна грустная осенняя природа, да при томъ еще разныя неудобства и лишенія. Рѣдкіе, хорошіе деньки были нашимъ единственнымъ развлеченіемъ. Однажды, сидя у окна, я увидѣла человѣка, проходившаго мимо и сгорбленнаго почти до земли. Я спросила откуда и кто онъ, и мнѣ отвѣтили, что это тотъ самый силачъ-плотникъ, и что тяжелая болѣзнь такъ измѣнила его. Теперь онъ дотащился до лѣсу, гдѣ упалъ безъ чувствъ, и откуда потомъ его подняли и принесли домой. Вся ночь прошла въ страшныхъ тревогахъ. Въ сосѣдствѣ не было священника, а потому, желая подать больному какую-либо духовную помощь, у меня попросили мой образъ. Я дала его, но съ большой неохотой; мысль, что къ моему образу будетъ прикасаться человѣкъ вполнѣ невѣрующій, страшила меня и колебала мою вѣру. Его агонія была ужасна! Онъ видѣлъ всѣ свои грѣхи, написанные на стѣнахъ, съ трудомъ пробовалъ онъ креститься, и умеръ въ страданіяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Мнѣ возвратили мой образъ.

«Теперь я сознаюсь, къ моему великому стыду, что не заслуживала я имя христіанки. Послѣ этого случая вѣра моя поколебалась: мнѣ казалось, что отъ прикосновенія къ этому грѣшному человѣку образъ утратилъ свою святость. Я опять поставила его въ образницу и уже долго не дотрогивалась до него. Итакъ, легкомысленность, недовѣріе, сомнѣнія часто пробуждались во мнѣ и овладѣвали мною. Я сознавала, что всѣ эти пороки завладѣли мною и мѣшали укорениться вѣрѣ и многимъ другимъ качествамъ, присущимъ человѣку. Я страдала своимъ невѣріемъ, но не рѣшалась никому повѣрить его. Черезъ мѣсяцъ я получила письмо отъ моего друга, князя Александра Голицына. Онъ писалъ мнѣ, что у него есть одна знакомая дама, которая очень мною интересуется по

видѣнному ею дважды сну, и этотъ сонъ касался меня. Ей снилось, будто-бы я стала невѣрующей, утративъ вѣру въ мой образъ, и что неблагодарность—большой грѣхъ! Она получила во снѣ приказаніе передать мнѣ, чтобы я снова увѣровала въ святость образа. Послѣ этого новаго доказательства Божьяго ко мнѣ милосердія, я не могла уже больше сомнѣваться. Вѣра и горячая любовь къ Господу наполнили мою душу, я опять надѣла образъ и испытала въ скоромъ времени на себѣ силу его святости. Въ первый годъ моего пребыванія въ Крыму я страдала болью въ груди. Кромѣ того я страшно скучала, грустила, не видя своего мужа, который былъ тоже боленъ и жилъ въ отдѣльномъ маленькомъ домикѣ.

«Единственная польза, пріобрѣтенная мною во время жизни въ Крыму, была та, что я сознала все свое ничтожество, все могущество Вседержителя и все его милосердіе ко мнѣ, грѣшной. Во время этой однообразной жизни я прочла много духовныхъ книгъ изъ библіотеки брата моего Андрея, а въ томъ числѣ и сочиненіе св. Іоанна Клемака, которое я прочла съ наслажденіемъ. Этотъ отецъ церкви даетъ замѣчательно хорошія наставленія въ монастырской жизни и самъ показываетъ намъ примѣръ въ постоянномъ усовершенствованіи христіанскихъ добродѣтелей. Это произведеніе было вполнѣ ново для меня и было настоящей духовной пищей для моей души. Однако я все еще продолжала страшиться своей будущности. Благодаря стараніямъ и знанію моего врача, моя болѣзнь поддалась леченію и я стала быстро поправляться, и къ пріѣзду императрицы уже совершенно выздоровѣла. Я приготовила все для принятія августѣйшей гостьи, и этотъ царственный визитъ, продолжавшійся два дня, былъ для меня самымъ пріятнымъ развлеченіемъ во время моей болѣзни и разогналъ мои мрачныя думы. Императрица уѣхала поздней осенью, а потому и нашъ отъѣздъ былъ задержанъ, и намъ пришлось провести въ Крыму третью зиму. Наконецъ прошла эта третья зима и намъ пора было возвращаться въ Россію.

«Теперь возвращусь къ эпохѣ, бывшей раньше моей жизни въ Крыму. Я буду говорить объ императорѣ Александрѣ I. Я долго опасалась этого новаго нашего дружескаго сближенія, которое могло принести мнѣ больше вреда, нежели пользы. Я сознавала, что смиреніе есть лучшее достоинство человѣка, а потому и хотѣла жить въ полнѣйшей неизвѣстности, но желаніе быть полезной другимъ мѣшало мнѣ въ этомъ. Я старалась укрѣпить свою вѣру, а иначе, какъ при сообщеніи съ людьми, я этого сдѣлать не могла.

«Императоръ Александръ, у котораго религіозные взгляды и убѣжденія мѣнялись очень быстро, часто бывалъ у меня и въ разговорахъ со мной старался разъяснить свои сомнѣнія. Онъ жаждалъ уединенія и чуждался толпы, въ семьѣ же своей онъ не находилъ сочувствія и часто

ее покидалъ. Онъ уѣзжалъ въ Царское Село и тамъ занимался важными государственными дѣлами. Часто, бывало, всѣ думали, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга, а онъ, между тѣмъ, проводилъ вечеръ у меня, заранѣе потребовавъ на это разрѣшенія. И я принимала его одна, безъ угрызенія совѣсти, такъ какъ наши отношенія были чисты передъ Богомъ. Государь желалъ знать, что новаго узнала я отъ моихъ женевскихъ друзей [1]). Я ему передавала ихъ переписку, но вскорѣ я замѣтила, что протестантизмъ уже утратилъ надъ нимъ свое вліяніе, а истины нашей церкви проникли въ его душу, и онъ сталъ приверженцемъ православія. Онъ желалъ, чтобы и я послѣдовала его примѣру и совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ Фотіемъ, имѣющимъ на него большое вліяніе; онъ говорилъ мнѣ: «это апостолъ или мученикъ!» Я отвѣчала, что если на то воля Божья, то я встрѣчусь съ этимъ человѣкомъ на своемъ жизненномъ пути, но мнѣ не хотѣлось искать новыхъ знакомствъ только для того, чтобы узнать ихъ взгляды и убѣжденія; моя молодость не позволяла мнѣ этого и мнѣ приходилось довольствоваться тѣми людьми, которыхъ Господь посылалъ мнѣ. Въ числѣ ихъ былъ отецъ Палладій, архимандритъ Невской лавры, человѣкъ глубоко вѣрующій. Этотъ почтенный старецъ понялъ меня безъ словъ и мнѣ не надо было даже раскрывать передъ нимъ свою душу. Я довольствовалась знакомствомъ съ этимъ служителемъ Господа, а любовь его къ Спасителю заставляла меня глубоко чтить его и дорожить интимностью нашихъ отношеній. Онъ часто говорилъ мнѣ:

— Не люби меня, но люби Христа.

«И каждое его слово дышало горячей любовью и вѣрой въ Спасителя. Мое сердце отдыхало въ бесѣдахъ съ нимъ и я не скрывала отъ него ни моихъ впечатлѣній, ни мыслей, пріобрѣтенныхъ мною въ Женевѣ. Онъ считалъ вполнѣ естественными ту любовь и благодарность, которыя я чувствовала къ людямъ, обратившимъ меня къ Богу; онъ не отвергалъ и не порицалъ эти мои чувства. Однако онъ часто указывалъ мнѣ всю нетвердость моихъ убѣжденій и недостатокъ вѣры. Его рѣчь, дышащая такой добротой и снисхожденіемъ къ человѣческимъ недостаткамъ, укрѣпляла то религіозное чувство, которое внушили мнѣ мои женевскіе друзья. За границей я встрѣтила человѣка, положившаго доброе начало въ сердцѣ моемъ и направившаго меня на истинный путь спасенія; въ Россіи же нашелся человѣкъ не только продолжавшій дѣлать начатое, но онъ укрѣплялъ мою слабую вѣру и поддерживалъ въ минуты сомнѣнія. Онъ открывалъ мнѣ и тайны православія, въ которыхъ я была тогда такъ несвѣдуща.

«Необходимо мнѣ вспомнить одинъ случай моей жизни, очень обык-

[1]) Протестантскихъ проповѣдниковъ.

новенный, но имѣвшій въ будущемъ хорошее вліяніе на многое. Это было въ 1824 году. Одинъ іеродіаконъ, по имени Исаія, привезъ мнѣ письмо отъ графини Орловой. Она писала объ этомъ монахѣ, который, по ея словамъ, жаждалъ спасенія и желалъ посвятить себя Богу на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ монастырь; теперь же мѣстность эта была пустынна и принадлежала брату моей свекрови, г-ну Энгельгардту [1]). Монахъ этотъ съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ объ этой мѣстности.

— Эта Святая гора, — говорилъ онъ мнѣ, — и была она населена отшельниками. Она походитъ на Аѳонскую гору и описать ее не хватитъ человѣческихъ словъ.

«По его же словамъ, уединеніе и частое напоминаніе о молитвѣ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, придаютъ этой мѣстности что-то святое, и никакая, кажется, другая мѣстность не можетъ внушить человѣку такія чувства благочестія и созерцанія Божьяго величія, какъ эта Святая гора. Я съ невольнымъ восторгомъ слушала разсказы монаха и мнѣ захотѣлось быть его ходательницей. Мнѣ самой сильно захотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ и выхлопотать для этого монаха позволеніе вырыть себѣ келью въ горѣ. Но къ моему великому горю свекровь моя, взявшаяся хлопотать объ этомъ, получила рѣшительный отказъ отъ своего брата, и я съ прискорбіемъ должна была передать этотъ отказъ монаху. Однако краснорѣчивый разсказъ іеродіакона, его пламенное желаніе поселиться на томъ мѣстѣ, гдѣ жили и спасались святые отшельники, его горе при полученіи отказа — все это произвело на меня глубокое впечатлѣніе и навсегда врѣзалось въ моемъ сердцѣ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я никогда не забуду то горе, которое нанесла я, совершенно невольно, этому несчастному монаху. Но и это прошло, какъ все проходитъ въ жизни, а сама она потекла своимъ обычнымъ порядкомъ, полная пустоты и волненій. Я стала забывать и монаха, и его разсказы, какъ вдругъ совершенно неожиданно умеръ г-нъ Энгельгардтъ. «Святыя горы» было его родовое имѣніе и, чтобы выручить деньги для раздачи наслѣдникамъ, его рѣшили продать. Узнавъ объ этомъ, я умоляла мою свекровь купить у ея сестеръ (ихъ было пять) ихъ части и сдѣлаться единственной наслѣдницей этого прелестнаго уголка южной Россіи. Она уступила моимъ просьбамъ и купила «Святыя горы». Съ этой минуты у меня явилась мечта возстановить тамъ монастырь и снова населить его пустынныя кельи. Но ничто не обѣщало, чтобы когда-нибудь осуществилась моя мечта.

«Во время холеры, въ 1832 году, мы съ мужемъ поѣхали туда

---

[1]) Племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Свекровь же Т. Б. Потемкиной въ первомъ бракѣ была за Потемкинымъ, во второмъ—за княземъ Юсуповымъ.

и во-очію увидѣли то, о чемъ говорилъ намъ монахъ. Да, это было дѣйствительно чудо природы: громадная скала формы пирамиды и вся покрытая лѣсомъ, а въ этой скалѣ цѣлый монастырь; но объ этомъ монастырѣ свидѣтельствовали однѣ каменныя плиты съ молитвенными надписями въ кельяхъ прежнихъ грамотныхъ монаховъ. Я не смогу передать то впечатлѣніе, которое на меня произвела эта мѣстность! Все здѣшнее прошлое какъ бы воскресло въ моемъ воображеніи, и это уединенное мѣсто, гдѣ слышался теперь лишь крикъ птицъ, представилось мнѣ заселеннымъ людьми, ищущими спасенія въ молитвѣ и постѣ. Въ двухъ плохо сохранившихся кельяхъ жили два сельскихъ священника въ большой бѣдности. Недалеко отъ келій стояла и маленькая, бѣдная приходская церковь, выстроенная во имя Успенія Божіей Матери. На благовѣстъ колокола этой церкви приходили крестьяне сосѣднихъ селеній, но другого сообщенія съ людьми священники не имѣли и скорбѣли о томъ, что не могутъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ. Вотъ въ какомъ положеніи застала я эту обитель въ 1832 году.

«Моя свекровь пользовалась доходами съ этого имѣнія, но еще не начинала возобновленія монастыря. Въ годъ своей смерти она часто бывала въ Сергіевской пустынѣ (въ окрестностяхъ Петербурга), и однажды въ откровенной бесѣдѣ съ отцомъ Игнатіемъ (тамошнимъ настоятелемъ) высказала ему свое намѣреніе о возобновленіи Святогорской обители.

— Я такъ къ вамъ расположена, — сказала она ему, — что готова отдать вамъ «Святыя Горы».

«Эта фраза, сказанная отъ чистаго сердца, была, вѣроятно, угодна Богу... Прощаясь съ архимандритомъ, она обѣщала быть у него черезъ восемь дней, но на девятый день послѣ этого разговора ее уже не стало. Огорчила насъ ужасно ея смерть и долго не могли привыкнуть къ той пустотѣ, которую мы чувствовали послѣ ея кончины.

«При раздѣлѣ имущества я просила себѣ «Святыя горы». Теперь-то надѣялась осуществить свою мечту, но и не только мою лично, а также и моей покойной свекрови. Господь не отвергнулъ молитвы рабъ своихъ, и этотъ, когда-то богатый, монастырь былъ вновь воздвигнутъ съ согласія императора Николая I-го. На освѣщеніе его пріѣхалъ архіерей Иннокентій...

«Съ тѣхъ поръ прошло 19 лѣтъ, а я каждый годъ ѣзжу сюда и любуюсь на это дѣло рукъ Божіихъ, на эту святую обитель. Она имѣетъ теперь триста монаховъ и управляется самымъ строгимъ монастырскимъ уставомъ. Не мнѣ восхвалять этотъ монастырь, а я могу сказать только всякому, кто прочтетъ мои записки: «пріидите и взгляните на это чудесное дѣло рукъ Божіихъ и прославьте Имя Его святое». Я благодарю Господа, что Онъ удостоилъ меня быть свидѣтельницей такой великой

*

милости Своей къ людямъ. Для возстановленія монастыря была масса пожертвованій, и приносилъ каждый, кто что могъ, напоминая умноженіе пяти евангельскихъ хлѣбовъ, которыми насытились пять тысячъ народа. «О, Господи, Ты таишься отъ мудрыхъ и разумныхъ и открываешь Себя младенцамъ. Онъ избираетъ орудіемъ слабыхъ, больныхъ, чтобы явить славу Свою среди столькихъ препятствій, болѣзней и смерти!» Но всѣ Его великія милости не налагаютъ ли онѣ на меня бо́льшей отвѣтственности? Видѣть Бога во всемъ и вездѣ и оставаться равнодушнымъ—преступленіе, которое губитъ душу человѣка, и онъ все больше и больше грязнетъ въ порокахъ. А потому, какъ нужны мнѣ Твои великія милости, Господи, чтобы избавиться отъ легкомыслія, забвенія, равнодушія и упорства!! Одинъ Господь великъ, все же остальное—прахъ! Но этотъ прахъ одушевленъ Божественной искрой, и въ этой-то искрѣ вся наша жизнь. Но для поддержки нашей нравственной жизни не нужна ли намъ благодать Господня? Объ этомъ-то я и прошу моего Господа, чтобъ очиститься отъ нечистоты душевной и жить въ вѣчной жизни.

«Я вотъ уже 23-й разъ какъ пріѣзжаю въ «Святыя горы» и сегодня наканунѣ своего отъѣзда. Проживъ шесть недѣль въ Крыму, я пріѣхала сюда, а теперь уже должна вернуться въ Петербургъ. Во время моего пребыванія въ «Святыхъ горахъ» пріѣзжала моя сестра Мещерская съ своимъ племянникомъ Гончаровымъ, и никогда мое пребываніе здѣсь не было мнѣ такъ пріятно, какъ нынѣшнее, хотя оно и было кратковременно. Погода была все время идеальная: такой осени съ тѣхъ поръ, какъ живу, не помню. Такое теплое, тихое время!.. Природа представляла собой тотъ покой и тишину, которую получимъ мы послѣ нашей смерти, и давала возможность надѣяться на вѣчный отдыхъ!! Я уѣхала изъ «Святыхъ горъ» радостная и вполнѣ поправившись отъ всѣхъ моихъ болѣзней. Я была счастлива вернуться въ Петербургъ и свидѣться съ мужемъ, съ сестрой Софіей и со всей моей семьей. Пріѣхавъ въ Москву, я поѣхала къ митрополиту Филарету, чтобъ получить его благословеніе, и это было уже въ послѣдній разъ, такъ какъ черезъ мѣсяцъ онъ скончался. Этотъ почтенный старецъ вполнѣ сохранилъ свой свѣтлый умъ. Онъ съ большимъ интересомъ разспрашивалъ меня о моемъ монастырѣ, и въ его рѣчи слышалось столько любви и снисхожденія, чего раньше онъ никогда не выказывалъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).